

Художник партийной окрыленности

РУССКАЯ литература всегда удивляла и восхищала читающий мир своей социальной активностью. И великие, и малые ее творцы обращались к перу прежде всего с желанием сказать свое слово о тех наблюдавшихся вопросах, которыми жило их время. Вот почему они справедливо считаются художественными летописцами своего общества, народа.

Писатели земли русской изображали «бедных людей», «униженных и оскорбленных», «без вины виноватых», «дворянские гнезда», «толстых и тонких», обличали «мертвые души», «господ головлевых», решали споры «отцов и детей», искали «героев своего времени», задумывались над причинами «обломовщины», прокладывали пути нравственного «воскресения», спрашивали «кому на Руси жить хорошо?», «кто виноват?», «что делать?», верили в прилет «чаек», в цветение новых «вишневых садов». Они жили этой верой, этой надеждой на торжество правды и справедливости. И когда грянул гром «Авроры», они не растерялись, не были застигнуты врасплох, они приняли Правду Ленина, Россию социалистическую.

Гражданская активность была своеобразным «национально-художественным геном», который передавался от поколения к поколению. Эта «наследственная черта» по-новому и ярко сказалась также на послереволюционном этапе русской, уже — советской литературы. До этого времени всю свою мощь русская литература направляла на защиту народа, на «срывание всех и всяческих масок» с лица существующего строя. Теперь, после революции историческая задача была принципиально иная — воспевать народ, утверждать его власть, как определял эту задачу М. Горький — развивать в человеке «доверие к своим творческим силам», «поднимать его уважение к самому себе».

Поэтому историческая полемика между «старыми» и «новыми» писателями, между «попутчиками» и «пролетарскими» писателями в 20-е годы, в период становления советской литературы была естественной, но и положительное ее решение также было закономерно. Консолидация творческих сил, естественно, сопровождалась ошибками, крайностями. Но все это, очевидно, было неизбежно на пути поисков новых художественно-эстетических форм для воплощения нового социально-идейного содержания, для воссоздания образа нового мира и нового человека.

В этой литературно-творческой дискуссии между «отцами и детьми» активное участие принимал и Александр Фадеев. Молодой писатель, пришедший в литературу прямо с фронтов гражданской войны, быстро пройдя «подготовительный курс», создал роман «Разгром», который завоевал широкое признание. Вместе с «Чапаевым» Дм. Фурманова, «Железным потоком» С. Серафимовича, «В. И. Ленин» Вл. Маяковского, «Бронепоездом 14-69» Вс. Иванова, «Конармией» И. Бабеля, «Двенадцатью» А. Блока и целым рядом блестящих новаторских произведений других писателей он закладывал основы того творческого метода, который вскоре получил наименование социалистического реализма.

Фадеев повествовал, казалось бы, о локальном событии — отступлении партизанского отряда, попавшего в окруже-

К 80-летию со дня рождения А. А. ФАДЕЕВА

ние в только что отшумевшей войне. Но он показывал пример того, как можно создавать живые и сложные человеческие характеры «на современном материале», передать суровую правду и одухотворенность, оптимизм общества, сражающегося за историческое самоутверждение. Он предлагал свой путь художественного познания и осмысления совершающегося процесса духовного возрождения человека, показывал образец творческого использования традиций классики, в частности — толстовского психологического анализа «диалектики души», раскрытия героики «простых» людей. Образ Левинсона из романа «Разгром» навсегда вошел в галерею героев новой литературы — людей, взявших на себя огромнейшую, тяжелейшую историческую ответственность — переделать мир, человеческие отношения, самих себя.

Обновляющийся мир был полон романтики, поэты воспевали ее в пламенных стихах, в космических образах. Но надо было изображать его и в конкретных проявлениях своих. И Фадеев в пылу полемики выступает с лозунгом «Долой Шиллера!» Крайности теоретических рассуждений скажутся при создании эпически задуманного, но не завершенного романа «Последний из Удэгэ». Но скоро писатель откажется от «преследования» романтики, заявит, что «социалистический реализм включает в себя романтику, т. е. революционную мечту о будущем, опирающуюся на реальное развитие». Это будет уже ближе к горьковскому призыву создавать новое искусство на основе «синтеза романтизма», к той формулировке нового метода, которая будет принята на первом форуме советских писателей: правдиво изображать действительность в ее революционном развитии.

Это и была партийность советской литературы — вдохновляясь идеями социализма, служить, о чем мечтал еще В. И. Ленин в статье 1905 года «Партийная организация и партийная литература», «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность». И этой партийной окрыленностью была пронизана творческая, общественная деятельность А. Фадеева на протяжении всего его жизненного пути. Эта же окрыленность выразилась во всей своей пронзительной искренности, одухотворенности и мужественном благородстве в романе «Молодая гвардия».

О Великой Отечественной войне советского народа, о беспримерном героизме его в смертельной схватке с черными силами фашизма написаны сотни прекрасных произведений. Написаны и во время войны, и после нее, и в наши дни появляются все новые и новые великолепные, неповторимые произведения. И все же «Молодая гвардия» А. Фадеева не затерялась в этой богатейшей библиотеке. Она

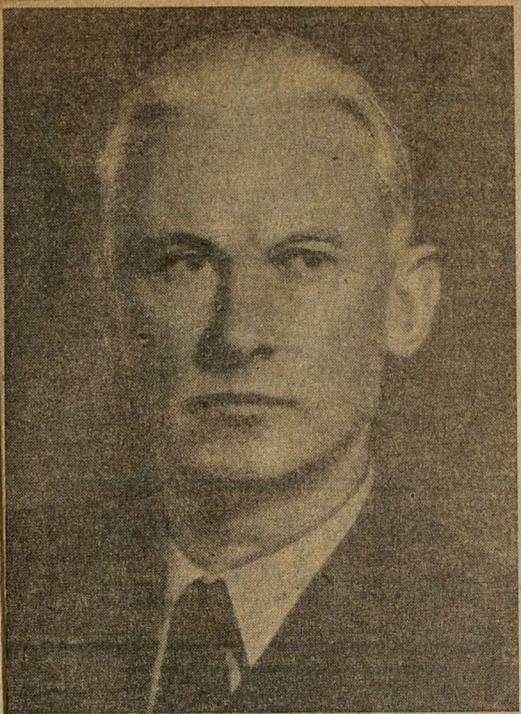
стала классикой советской литературы, вошла в ее золотой фонд, но она не превратилась в факт истории литературы, она продолжает читаться и будет читаться постоянно и неизменно с волнением и трепетом первого прикосновения, первого знакомства с произведением высокого искусства, созданного кровью сердца.

А. Фадеев подчеркивал, что он принадлежит к типу писателей, отправляющихся от своих живых впечатлений, собственных наблюдений. И еще подчеркивал: «Жизнь полна мелочей, обыденных, скучных, случайных», когда же «приходится изображать людей в сложный и острый период жизни, когда раскрываются самые сильные стороны в людях», — художник «вовсе не обязан показывать эти «мелочи». Образы Олега Кошевого, Ивана Земнухова, Ульяны Громовой, Сергея Тюленина, Любови Шевцовой и других советских юношей и девушек, оказавшихся во вражеской оккупации, вступивших на путь неравной борьбы с фашистскими захватчиками, — созданы с той степенью любви, которой они действительно были достойны, — и писатель имел право воспевать их, романтизировать, возвышать, обессмертить!

Страстный советский патриотизм выразился не только в художественной практике писателя, но и в большой, многогранной общественной деятельности его — в организации демократических сил мира против новых поджигателей войны, в повседневных заботах и трудах руководителя Союза писателей страны, в его по-горьковски чутком, добром отношении к советской многонациональной литературе. Сказались эти черты Фадеева-художника, человека, деятеля нового типа и в его отношении к азербайджанской культуре, к литературе азербайджанского народа.

В азербайджанскую землю влюблялись все русские писатели, которым в то или иное время приходилось бывать на ней. Любили ее Лермонтов и Марлинский, Максим Горький и Владимир Маяковский, Сергей Есенин и Иосиф Уткин, Николай Тихонов и Константин Симонов... Полюбил ее и Александр Фадеев, приехавший в Азербайджан в 1947 году, в дни всенародного празднования 800-летия великого Низами.

Выступление А. Фадеева «Торжество разума и справедливости» — это глубоко прочувствованное Слово о сыне азербайджанского народа, который в далеком средневековье воспевал творческий ум человека, утверждал гуманизм, провозглашал идею земной общности народов, гневно осуждал деспотизм и социальную несправедливость. Как бы в ответ всяким национально ограниченными ученым, буржуазным толкователям поэта, Фадеев замечал: «Конечно, Низами был сыном своей феодальной эпохи. Но когда читаешь произведения Низами, невольно поражаешься его присталь-

ному вниманию к человеку. Главной ценностью в мире Низами считал человека». Отмеченное еще Гете «гениально поднятое чувство любви» в поэмах Низами, перерастающее «во всеобщее чувство», Фадеев характеризует как «новое слово — в то время европейская мысль еще не доросла до этого».

Фадеев постоянно подчеркивал могучую силу истоков патриотизма и интернационализма советских народов. Эпоха социализма, говорил он, воскресила для всех народов нашей страны «великую и древнюю культуру Армении, Азербайджана, Грузии, Таджикистана и других республик Востока. Имена Руставели, Низами, Навои, Фирдоуси стали такими же дорогами для русского, украинца, белоруса, латышца, как и для восточных народов, пошедших эти великие имена».

С глубоким уважением отзывался А. Фадеев о «таких светочах» азербайджанской литературно-общественной мысли, как А. Бакиханов, М. Ф. Ахундов, Г. Зардаби, Дж. Мамедкулизаде, «духовно связанными с прогрессивными силами России».

Душевной теплотой отличаются отношения между Фадеевым и Вургунум («Это очень хорошо, что существует на свете Сamed Вургун!»). Он поддержал на Втором съезде советских писателей мысль С. Вургуну о том, что «социалистический реализм призван не обеднить, а обогатить формы мировой литературы». Скупые, но точные замечания А. Фадеева о своеобразии, значении творчества отдельных произведений Дж. Джабарлы, М. Гусейна, С. Рустамы, С. Рагимова, М. Ибрагимова не могут не привлечь внимание историка азербайджанской литературы.

Не менее искренним и глубоким чувством отвечали замечательному русскому советскому писателю и его азербайджанские братья по перу — Сamed Вургун, Мехти Гусейн и другие. Благотворной была роль опыта Фадеева — выдающегося представителя литературы социалистического реализма, в творческой практике ряда азербайджанских писателей. Широкое признание А. Фадеев получил среди азербайджанских читателей, знакомящихся с ним на своем родном языке.

Перефразируя слова Фадеева о Низами, мы можем с гордостью сказать, что замечательный русский советский писатель вместе с тем — наш общий писатель, писатель всех братских советских народов.

Писатель-коммунист, интернационалист, Александр Фадеев и сегодня живет, действует. Его художественные произведения, его литературная критика, его кипучая общественная деятельность — это пример высокого служения идеалам социалистической Отчизны. Его имя продолжает быть образцом художника партийной окрыленности.

Ариф ГАДЖИЕВ,
доктор филологических наук,
профессор.